

МИЯ ГРЭЙ

БЫВШИЙ

ПОЗДНО ПРОСИТЬ ПРОЩЕНИЯ

Мия Грэй

**БЫВШИЙ. Поздно
просить прощения**

«Автор»

2026

Грэй М.

Бывший. Поздно просить прощения / М. Грэй — «Автор», 2026

Он предал её и ушёл к другой. Она вычеркнула его из своей жизни. Спустя годы бывший возвращается — успешный, влиятельный и готовый на всё, чтобы вернуть женщину, которую однажды потерял. Но он даже не подозревает, что у неё есть дочь. Теперь одного «прости» недостаточно. Ему придётся доказать, что любовь сильнее предательства если ещё не слишком поздно.

© Грэй М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Утро, которое ничего не обещало	5
Глава 2. В кабинете у прошлого	10
Глава 3. Старые игры	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Мия Грэй

БЫВШИЙ. Поздно просить прощения

Глава 1. Утро, которое ничего не обещало

Было то особенное время суток, когда город ещё не проснулся до конца, но уже начал потягиваться в первых лучах солнца, пробивающихся сквозь плотные шторы моей маленькой кухни. Запах свежесваренного кофе смешивался с ароматом ванили и чего-то сладкого, что доносилось из детской комнаты, где моя дочь возилась с пластилином, напевая себе под нос незамысловатую мелодию, сочинённую ею же самой. Я стояла у плиты, переворачивая золотистые блинчики, и чувствовала, как внутри меня разрастается то самое привычное, почти осязаемое спокойствие, которое я научилась ценить больше любых бриллиантов. Это спокойствие было выстрадано, завоёвано и выхожено за долгие пять лет, и я поклялась себе, что больше никогда и никому не позволю его разрушить.

Моя жизнь после той катастрофы, которую я для себя окрестила «вселенским крахом», превратилась в чёткое расписание: работа, дом, дочка, книги, редкие встречи с подругами, которые давно перестали задавать вопросы о том, что же случилось на самом деле. Они видели, что я улыбаюсь, и этого им было достаточно. А я действительно улыбалась. Сначала через силу, играя роль, но со временем эта роль приросла к моему лицу, и я поняла, что больше не притворяюсь. Маленькая Алиса, которой сейчас было четыре с половиной года, стала моим якорем и моим спасением. Она появилась на свет в тот самый момент, когда мир вокруг меня рухнул окончательно, и её крошечные ладошки буквально вытащили меня из той пропасти, куда я проваливалась день за днём.

— Мама, смотри! Я слепила дракона! — раздался звонкий голосок из коридора, и через секунду в кухню влетело вихревое создание в розовой пижаме с зайчиками, сжимающее в руках нечто зелёное и шипастое.

Я присела на корточки, чтобы оказаться с ней на одном уровне, и взяла её творение в руки, старательно разглядывая каждую неровность.

— Это самый прекрасный дракон, которого я когда-либо видела, — сказала я с абсолютной серьёзностью, на которую была способна. — Он явно умеет дышать огнём.

— Он умеет, — Алиса поджала губы и прищурилась, изображая суровость, которая так комично смотрелась на её круглом личике. — Но он добрый и не обижает маленьких девочек. Он будет жить у меня на подушке и охранять мои сны.

Я поцеловала её в макушку, вдохнув запах её волос — детский шампунь и чуть-чуть пластилина. В этот момент я поняла, что для полного счастья мне ничего больше не нужно. Только чтобы Алиса росла здоровой, весёлой и никогда не узнала той боли, которую испытала я. Я поклялась себе, что сделаю всё возможное, чтобы оградить её от лжи, от пустых обещаний и от людей, которые умеют только брать, но не умеют отдавать. Её отец был именно таким. Он был красивым, умным, харизматичным и совершенно бесполезным для настоящей семьи. Он выбрал деньги, он выбрал карьеру, он выбрал ту женщину, которая была ему нужна для статуса, а меня вышвырнул из своей жизни, как старую вещь, которая перестала быть модной.

Тогда, пять лет назад, я была молодой и глупой, и мне казалось, что любовь можно удерживать, если быть идеальной. Я была идеальной невестой, идеальной опорой, идеальной тенью. Я ждала его допоздна, готовила его любимые блюда, слушала его бесконечные истории о сделках, о переговорах, о врагах и союзниках. Он говорил, что я — его убежище, его тихая гавань, единственное место, где он может быть собой. Но однажды он пришёл не один. Он пришёл с новостью, которая звучала как приговор: он уходит к другой. Назвал это «необходимостью».

Сказал, что я чудесная, но он не может позволить себе быть с женщиной без амбиций. Что его новая пассия — дочь владельца крупной корпорации, и этот брак откроет ему двери, о которых он раньше даже не мечтал.

Он ушёл так легко, будто выходил в магазин за хлебом. А я осталась стоять посреди нашей общей квартиры, которая вдруг стала чужой, сжимая в руке тест на беременность, который я собиралась ему показать, чтобы сделать сюрприз. Тест, который я купила с утра, когда он ещё спал, и который потом, в порыве бешеной обиды, зашвырнула куда-то в угол шкафа. Я не рассказала ему о ребёнке. Сначала от шока, потом от злости, а потом от гордости. Я решила, что он не достоин знать. Что он сделал свой выбор, и пусть теперь живёт с этим выбором, даже не подозревая о том, что у него есть дочь, которая каждое утро протягивает мне свои пластилиновые шедевры.

Я думала, что похоронила всё это прошлое навсегда. Выбросила его вещи, удалила фотографии, поменяла квартиру, сменила номер телефона, даже взяла девичью фамилию, чтобы ничто не связывало меня с тем человеком. Но, видимо, у жизни были свои планы.

В тот день я как обычно собиралась на работу. Я трудилась в крупной риэлторской компании «Град-Недвижимость», занимая должность ведущего специалиста по работе с клиентами. Работа отнимала много сил и времени, но я любила её за то, что она требовала полной отдачи, за то, что я могла погружаться в неё с головой и забывать о том, что происходит за пределами моего офиса. Моя начальница, Ирина Павловна, была женщиной мудрой и деловой, и она всегда ценила мою исполнительность, а также то, что я никогда не опаздывала и умела договариваться с самыми капризными клиентами. Сегодня, помню, я стояла перед большим настенным зеркалом в прихожей, поправляя воротничок строгой белой блузки, и размышляла о том, что нужно бы купить Алисе новые акварельные краски, потому что старые уже почти закончились. За окном начинался новый день, и ничто, абсолютно ничто в этом сером ноябрьском небе не предвещало бури.

— Алиса, давай ручку! Мы опаздываем, — позвала я, застёгивая длинное пальто и проверяя, на месте ли телефон и ключи. — Сначала в садик, а потом у меня важная встреча.

— Какая встреча, мама? — спросила дочка, сноровисто натягивая сапожки. Она уже привыкла к моей утренней суете и воспринимала её как часть игры.

— Обычная рабочая, — улыбнулась я, погладив её по голове. — Придёт новый большой начальник, и нужно ему понравиться. Но я его не боюсь, потому что я у тебя самая лучшая.

— Самая лучшая, — эхом повторила Алиса, и этот простой, детский лепет наполнил моё сердце такой теплотой, что все рабочие тревоги показались мне мелочными и ничтожными.

Мы вышли из подъезда, и холодный осенний ветер тут же вцепился в мои волосы, разметав их по плечам. Я на ходу поправила шарф, прикрывая щёки, и потащила дочку за руку к остановке, откуда каждое утро отходил наш автобус. Вокруг шумел город, машины сигналили, люди куда-то бежали, и я чувствовала себя частью этого огромного механизма, частью, которая движется в нужную сторону и знает свой маршрут на годы вперёд.

— Мама, а когда у меня будет папа? — вдруг спросила Алиса, и этот вопрос прозвучал так неожиданно, что я чуть не споткнулась о бордюр.

Я замерла на секунду, собирая в кулак все свои силы и всю свою актёрскую школу, которой я обучилась за эти годы. Я посмотрела на неё, заглянула в её ясные, доверчивые глаза, в которых отражалось небо, и улыбнулась, стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно.

— Папа у тебя есть, милая, — ответила я, хотя эти слова всегда давались мне с трудом. — Он просто очень далеко и занят важными делами. Но когда ты вырастешь, я тебе обязательно о нём расскажу. А пока у тебя есть я, и мы справимся вдвоём. Ты же моя самая сильная и смелая девочка?

— Я смелая, — согласилась Алиса, надув губки. — Но я хочу, чтобы он иногда приходил и дарил мне цветы, как в мультике.

Я сжала её руку чуть крепче и перевела разговор на другую тему, начав рассказывать ей смешную историю про белку, которая хотела стать пиратом. Алиса тут же забыла про свои вопросы, засмеялась и начала дополнять мою историю своими фантастическими деталями. Смех Алисы был для меня лучшим лекарством от всех душевных ран. Я надеялась, что смогу оттягивать этот разговор о её отце до тех пор, пока она не станет достаточно взрослой, чтобы принять правду, какой бы горькой она ни была. Я не была готова рассказывать ей о том, что её отец — обычный подлец, который променял любовь на звание и положение.

Доехав до садика и сдав дочку с рук на руки воспитательнице, я выдохнула и перевела дух. Рабочий день начинался для меня по-настоящему, и я уже настраивалась на привычную волну, отключая всё лишнее, всё то, что касалось дома, материнства, прошлого. Я надела маску деловой женщины, собранной и непробиваемой, и направилась в офис.

В самом здании нашего агентства царила необычная суета. Младшие менеджеры бегали с какими-то папками, развешивали шарики, а секретарша на ресепшене поправляла причёску с таким видом, словно к нам на обед должен был приехать президент страны. Я нахмурилась, подходя к своему рабочему столу, и увидела, что Ирина Павловна уже во всю командовала парадом, раздавая указания налево и направо.

— Нина! Наконец-то, — сказала она, заметив меня, и сразу же направилась ко мне, на ходу поправляя очки. — Сегодня у нас особенный день. Как ты знаешь, наш холдинг купила крупная инвестиционная компания, и новый собственник будет лично знакомиться с персоналом. Он приедет через час.

— Я в курсе, — ответила я спокойно, открывая ноутбук и проверяя почту. — Ничего страшного, мы не первый раз встречаем новое руководство.

— Нина, ты не понимаешь, — Ирина Павловна понизила голос и почти прошептала, приблизившись ко мне. — Говорят, этот человек — настоящий акула. Молодой, но очень жёсткий. Он пришёл в наш бизнес не для того, чтобы играть в игрушки. Я слышала, он умеет увольнять людей просто по щелчку пальцев, если они ему не нравятся. Так что я прошу тебя: будь сегодня на высоте. Ты мой лучший сотрудник, и если он решит сокращать штат, я хочу, чтобы ты была той, кто очарует его своей компетентностью.

Я улыбнулась краешками губ, едва сдерживая желание покачать головой от этих драматических предупреждений. За пять лет работы в этой сфере я видела столько начальников, что перестала их бояться. Я давно усвоила: если ты хорошо делаешь свою работу и не пытаешься лезть в начальственную политику, тебя никто не тронет. Поэтому я кивнула, заверила Ирину Павловну, что всё будет в порядке, и погрузилась в свои отчёты, пока вокруг меня носились взволнованные коллеги.

Ровно через час, когда весь офис уже напоминал растревоженный улей, я услышала гул голосов в холле, а затем — цоканье дорогих туфель и властный, уверенный мужской голос, произносящий приветственные фразы. Голос был на удивление низким и бархатистым, и он показался мне смутно знакомым. Я оторвалась от монитора и взглянула в сторону входа, где группа из нескольких мужчин в строгих костюмах окружила высокого темноволосого человека. Он стоял ко мне спиной, и я видела лишь его широкие плечи и идеально сшитый пиджак, который, без сомнения, стоил целое состояние. Его владельческая манера держаться, даже просто стоя на месте, кричала о том, что этот человек привык повелевать и не привык, чтобы ему перечили.

Ирина Павловна, как заведующая отдела, подошла к нему и начала что-то говорить, указывая на двери кабинетов. Он слушал её вполуха, слегка кивая, и вдруг, словно почувствовав чей-то взгляд, он медленно обернулся.

В тот момент, когда я увидела его лицо, всё внутри меня превратилось в лёд, а затем в кипящую лаву, которая обожгла мои вены. Мир вокруг перестал существовать. Звуки офиса, гул разговоров, дыхание коллег — всё исчезло, растворилось в белом шуме, который заполнил

мою голову. Я смотрела на него, а он смотрел на меня. Пять лет. Пять долгих, кровавых лет я потратила на то, чтобы забыть эти серые, стальные глаза, этот прямой, аристократический нос, эти губы, которые когда-то шептали мне слова любви, а потом вынесли смертельный приговор.

Это был он. Александр Андреевич Сабуров. Мой бывший. Тот самый человек, который разбил моё сердце, разорвал наши отношения на тысячи осколков и ушёл к другой, даже не оглянувшись. Человек, который даже не знает, что у него есть дочь. Человек, который стал новым владельцем компании, в которой я работаю.

Я почувствовала, как мои пальцы вцепились в край стола до белизны, а дыхание перехватило. Он сделал шаг в мою сторону, и в его глазах мелькнуло выражение, которое я не могла расшифровать: то ли удивление, то ли ярость, то ли безмерное, болезненное узнавание. Он смотрел на меня так, словно не верил своим глазам, словно я была призраком, внезапно явившимся из его прошлого.

— Ирина Павловна, — сказал он, не отрывая от меня своего колючего взгляда, и его голос прозвучал на весь офис, заставив всех замереть. — Я хотел бы лично познакомиться с вашими сотрудниками. Начнём с неё. — Он кивнул в мою сторону, и я почувствовала, как подкашиваются ноги.

Всё, что я выстраивала годами, моя спокойная жизнь, моя иллюзия безопасности, моя уверенность в завтрашнем дне — всё это рухнуло в один миг, когда он пересекал разделяющее нас пространство, приближаясь ко мне, как роковая неизбежность. Я не знала, что мне делать. Бежать, кричать, притвориться, что я не узнала его? Но это было бесполезно. Он видел меня, он узнал меня, и по тому, как хищно блеснули его глаза, я поняла, что он не позволит мне сбежать так же легко, как сделал это сам много лет назад.

Я стояла и смотрела на него, и в моей голове молнией пронеслась одна мысль: «Боже, что он здесь делает? Зачем? И главное — что теперь будет с Алисой? Ведь если он узнает...» Я не могла закончить эту мысль, потому что он уже стоял передо мной, источая аромат дорогого парфюма и той самой уверенной, неотразимой мужской силы, которая когда-то лишила меня разума.

— Здравствуйте, Нина Викторовна, — произнёс он тихо, чтобы слышала только я, и в его голосе слышались нотки, от которых у меня внутри всё сжималось в тугой узел. — Давно не виделись. Приятно видеть, что вы всё так же прекрасны.

Я подняла на него глаза, стараясь, чтобы мой взгляд выражал лишь холодную вежливость, которую я демонстрирую любому клиенту. Но внутри меня бушевал ураган, готовый сорвать с меня эту маску и выдать меня с головой.

— Доброе утро, Александр Андреевич, — ответила я, сжимая зубы, чтобы они не стучали от волнения. — Это действительно неожиданная встреча. Я и не знала, что вы переключились на недвижимость.

Он усмехнулся, чуть склонив голову набок, и эта усмешка показалась мне циничной и одновременно до боли знакомой. Тогда, пять лет назад, он так же усмехался перед тем, как сказать мне самую страшную правду в моей жизни.

— Жизнь полна сюрпризов, — сказал он. — Я вас очень долго искал, Нина. Я не думал, что найду вас здесь. Но видимо, судьба решила нам устроить свидание.

— Это не свидание, Александр Андреевич, — отрезала я, не позволяя ему увидеть мой страх. — Это работа. И я бы попросила вас соблюдать субординацию.

Он окинул меня долгим, изучающим взглядом, просканировав каждую чёрточку моего лица, каждое движение, и я почувствовала себя обнажённой перед ним.

— Субординацию, — медленно повторил он, смакуя каждую букву. — Хорошо. Я согласен. Сначала субординация. Но вечером, Нина, мы обязательно поговорим. Мы закончим наш разговор, который не договорили пять лет назад. Я не уеду, пока не объясню тебе... всё. И пока не получу ответы на свои вопросы.

Я хотела возразить, хотела сказать ему, что между нами всё кончено и никаких разговоров не может быть, но он уже повернулся к Ирине Павловне, которая стояла раскрыв рот, и громко объявил, что продолжит осмотр офиса. Мои коллеги перешёптывались, бросая на меня любопытные взгляды. Я чувствовала, как они сверлят меня глазами, пытаюсь понять, что за тайная связь связывает меня с этим величественным незнакомцем, который только что, казалось, перевернул мою жизнь с ног на голову.

Я опустила на свой стул, и мои руки дрожали. Мне нужно было взять себя в руки. Я должна была придумать, что делать дальше. Он вернулся. Он вернулся и, судя по всему, не собирался меня отпускать. Я подняла глаза на часы, висевшие на стене, и подумала о том, что через несколько часов я должна забрать Алису из садика. Мою дочь. Нашу дочь. Тайну, которую я так старательно хранила все эти годы.

И если он что-то заподозрит, если он узнает правду, то моя спокойная жизнь, которую я строила из руин нашего прошлого, разрушится окончательно. И на этот раз я не знала, смогу ли снова собрать эти осколки.

Он ушёл в кабинет директора, закрыв за собой массивную дверь, но его присутствие продолжало давить на меня, как невидимый груз. Я смотрела на экран монитора и не видела ни одной цифры. В голове билась одна единственная мысль: «Почему сейчас? Почему именно сейчас, когда я начала забывать?»

Я вытащила из сумочки телефон и посмотрела на фотографию Алисы, которая стояла у меня на заставке. Такая смешная, с хвостиками и карими глазами, она смотрела на меня с экрана, и её улыбка немного успокоила мою бешено колотящуюся душу.

— Всё будет хорошо, — прошептала я себе под нос. — Я не позволю ему снова разрушить мою жизнь.

Но в глубине души я знала, что это только начало. И что наш разговор — неизбежность, от которой я не смогу уклониться, как ни старалась бы.

И когда через полчаса он вышел из кабинета и бросил на меня короткий, но многозначительный взгляд, я поняла, что старая игра начинается заново. Только теперь ставки были выше. На кону была не только моя любовь или моё сердце. На кону была наша семья, маленький мир, в котором жила Алиса, и правда, которая могла разрушить всё.

— Нина, — окликнула меня Ирина Павловна, возвращая в реальность. — Александр Андреевич приглашает вас на личную встречу через час, у него в кабинете. Он сказал, это касается вашего дальнейшего сотрудничества.

— Хорошо, — выдохнула я, чувствуя, как внутри меня закипает паника. — Я приду.

Я поправила блузку и сделала глубокий вдох, готовясь к самой страшной битве в своей жизни. Я должна была войти в этот кабинет не как та испуганная девочка, которую он когда-то бросил, а как женщина, которая вырастила дочь, построила карьеру и больше никогда никому не позволит собой манипулировать.

Но когда я увидела его силуэт через стеклянную стену кабинета, моя решимость дрогнула. Он стоял у окна, глядя на город сверху вниз, и в его позе было столько власти и одновременно столько одиночества, что моё сердце сжалось, вопреки всем моим желаниям, и я поняла, что прошлое никогда не уходит окончательно. Оно просто ждёт своего часа, чтобы напомнить о себе самым неожиданным образом.

Глава 2. В кабинете у прошлого

Я подошла к двери кабинета, и мои ладони, вопреки всем попыткам сохранить спокойствие, были влажными и холодными. Я вытерла их о юбку, сделала ещё один глубокий вдох, пытаясь унять бешеный ритм сердца, который, казалось, отдавался пульсирующей болью в висках. За этой дверью сидел он — человек, которого я когда-то любила до потери сознания, а потом возненавидела с такой же всепоглощающей силой. Я не знала, что скажу ему, не знала, как буду смотреть в его глаза, но я твёрдо решила: я не покажу ему свою слабость. Он не увидит ни одной слезы, ни одного намёка на ту боль, которую он мне причинил. Я слишком долго зализывала свои раны, чтобы теперь позволить ему одним своим появлением разбередить их с новой силой.

Я постучала, и из-за двери раздалось его низкое, властное «Войдите», которое прозвучало как приговор. Я толкнула тяжёлую дубовую дверь и вошла внутрь. Кабинет бывшего директора преобразился до неузнаваемости: на столе вместо привычных бумаг и фотографий стоял лишь ноутбук и стакан с водой, шторы были задернуты так, чтобы мягкий свет лампы падал на рабочую зону, а в воздухе витал тот самый запах его парфюма — терпкий, с нотками дерева и цитрусов, который когда-то сводил меня с ума и который я старательно вытравляла из своей памяти все эти годы.

Он стоял у окна, спиной ко мне, и смотрел на вечерний город, который уже начинал зажигать свои первые огни. Его поза была расслабленной, но я знала его слишком хорошо, чтобы поверить в это спокойствие. Каждый мускул его спины был напряжён, и я чувствовала эту энергию, которая исходила от него, — энергию хищника, который загоняет добычу в угол и наслаждается этим моментом.

— Закрой дверь, Нина, — сказал он, не оборачиваясь. Голос его звучал ровно, но в нём слышалась сталь, которая не терпела возражений.

Я подчинилась, но не потому, что испугалась, а потому, что не хотела, чтобы наши разговоры стали достоянием общественности. Сейчас мне нужна была конфиденциальность, как никогда раньше. Я сделала несколько шагов вперёд и остановилась у самого стола, положив руки на спинку стула, который стоял напротив его кресла.

— Я здесь, — сказала я холодно. — Говорите. У меня через два часа заканчивается рабочий день, и я должна забрать ребёнка из садика.

Он резко обернулся, и в его серых глазах мелькнула такая буря эмоций, что я невольно отшатнулась. Но он быстро взял себя в руки, и на его лице появилась та самая лёгкая, снисходительная улыбка, которую я ненавидела больше всего на свете.

— Ребёнка? — переспросил он, и его брови удивлённо поползли вверх. — Ты замужем?

— Это не ваше дело, Александр Андреевич, — отрезала я, скрестив руки на груди. — Мы здесь для того, чтобы обсудить рабочие вопросы, или вы пригласили меня для личного допроса?

Он усмехнулся, но в его усмешке не было веселья. Он подошёл к столу, сел в своё кресло и указал мне на стул напротив.

— Садись, Нина. Я не кусаюсь. По крайней мере, пока ты не дашь мне повод.

Я села, стараясь держать спину ровно, и посмотрела ему прямо в глаза. На мгновение мне показалось, что я снова вижу того самого Сашу, который приносил мне цветы по утрам и водил меня в маленькие уютные ресторанчики, где мы сидели допоздна и говорили о наших мечтах. Но это видение исчезло так же быстро, как и появилось, потому что передо мной сидел совершенно другой человек — холодный, расчётливый и опасный.

— Зачем вы здесь? — спросила я, нарушая затянувшуюся тишину. — Зачем вы купили эту компанию? Вы же никогда не интересовались недвижимостью.

— Я купил её, потому что узнал, что ты работаешь здесь, — сказал он просто, без тени смущения, и я почувствовала, как земля уходит у меня из-под ног. — Я искал тебя пять лет, Нина. Ты исчезла, как призрак. Сменила номер, уехала из нашей квартиры, даже фамилию поменяла. Я нанял частных детективов, но ты не оставила следов. И вот, три месяца назад я случайно увидел твою фотографию в отчёте по сделке о покупке этого агентства. Ты стояла на корпоративе, улыбалась, и я понял, что должен тебя найти. Я не мог больше жить с этим грузом.

Я смотрела на него, и внутри меня поднималась волна гнева, смешанная с каким-то диким, необъяснимым чувством. Он искал меня? Он, который вышвырнул меня из своей жизни, как ненужную вещь, теперь говорит мне, что искал меня все эти годы? Это было до такой степени абсурдно и нелепо, что я едва не рассмеялась ему в лицо.

— Вы искали меня? — переспросила я, и мой голос дрогнул, предательски выдав моё волнение. — Зачем? Чтобы сказать мне, что вы ошиблись? Что та женщина, ради которой вы меня бросили, оказалась не той, кого вы хотели? Вы думаете, я до сих пор жду ваших объяснений?

— Я знаю, что ты злишься, — сказал он, и в его голосе послышалась та самая мягкость, которая когда-то заставляла меня прощать ему все его опоздания и забытые обещания. — И ты имеешь на это полное право. Я поступил подло, я знаю. Я ушёл, не объяснив ничего, и оставил тебя одну. Но ты должна понять, что тогда я был другим. Я был молодым, глупым и одержимым идеей доказать всему миру, что я чего-то стою. Мой отец считал меня неудачником, и я должен был показать ему, что он ошибается. Брак с Викторией был для меня не любовью, это была сделка, которая должна была открыть мне все двери. И она действительно открыла. Но цена оказалась слишком высокой.

Он замолчал и провёл рукой по лицу, и я заметила, как его пальцы дрожат. В этом жесте было столько усталости и боли, что моё сердце, вопреки моей воле, сжалось. Я отвела взгляд, чтобы он не увидел в моих глазах ни капли сочувствия.

— И что? — спросила я, и мой голос прозвучал глухо. — Ты получил то, что хотел? Стал богатым и влиятельным? Счастлив?

— Счастлив? — он горько рассмеялся. — Я был несчастлив все эти пять лет. Виктория и я... мы были чужими людьми. Она любила мои деньги, а я использовал её имя. Мы развелись два года назад, и я не жалею об этом ни секунды. С тех пор я только и делал, что пытался найти тебя. Я хотел вернуть тебя, Нина. Я понял, что без тебя моя жизнь пуста. И когда я увидел тебя сегодня в этом офисе, когда ты стояла такая красивая и гордая, я понял, что не могу потерять тебя снова.

Я смотрела на него, и в моей голове проносились картины прошлого. Я вспомнила тот вечер, когда он пришёл и сказал мне, что уходит. Он стоял в дверях нашей квартиры, и за его спиной виднелись коробки с его вещами, которые уже были упакованы. Я держала в руке тот самый тест, и мои пальцы сжимали его так сильно, что пластик врезался в кожу. Я хотела сказать ему о ребёнке, я хотела, чтобы он знал, что у нас будет семья, но он даже не дал мне возможности открыть рот. Он просто сказал: «Прости, это не любовь. Это бизнес. Я не хочу тебя обманывать». И ушёл. Ушёл так легко, будто мы не прожили вместе два года, будто я не была для него ничем.

— Ты не понимаешь, Александр, — сказала я, и мой голос стал твёрже. — Ты не можешь просто так войти в мою жизнь через пять лет и сказать, что ты всё понял. Что ты изменился и хочешь всё начать сначала. Жизнь не работает по твоим правилам. Ты разбил меня тогда. Ты растоптал мои чувства, мою любовь, мои мечты. И я больше не та девочка, которая ждала тебя у окна и молилась, чтобы ты пришёл. Я стала другой. Я научилась быть сильной без тебя.

— Я вижу, — тихо сказал он, и его глаза загорелись каким-то странным огнём. — Я вижу, какой ты стала. Ты изменилась, и это прекрасно. Ты стала ещё красивее, ещё увереннее. Но

я знаю, что внутри ты всё та же Нина, которая умела любить так, как никто другой. Я хочу попытаться заслужить твоё прощение. Я хочу, чтобы ты дала мне шанс.

Он встал из-за стола, подошёл ко мне, и я почувствовала его близость — этот запах, это тепло, которое исходило от его тела. Он протянул руку и хотел коснуться моей щеки, но я резко отшатнулась, вскочив со стула и отступив на несколько шагов.

— Не трогай меня, — выкрикнула я, и мой голос сорвался на крик. — Ты не имеешь права прикасаться ко мне! Ты потерял это право пять лет назад, когда выбрал деньги вместо меня!

Он замер, его рука повисла в воздухе, и я увидела на его лице выражение, которое не могла расшифровать. Боль? Раскаяние? Или просто раздражение от того, что я не веду себя так, как он ожидал?

— Нина, прошу тебя, — сказал он, и его голос прозвучал почти умоляюще. — Я знаю, что я совершил ошибку. Самую большую ошибку в своей жизни. Но я не могу жить с мыслью, что ты ненавидишь меня. Я готов сделать всё, чтобы искупить свою вину. Скажи, что я должен сделать? Я переверну мир для тебя.

— Ты уже опоздал, — ответила я, глядя ему прямо в глаза, и внутри меня нарастала странная, пугающая решимость. — Ты опоздал на пять лет. Ты пропустил самое важное в моей жизни. И теперь никакими словами и никакими обещаниями ты не сможешь ничего изменить.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился он, и в его глазах мелькнула тревога. — Что я пропустил?

Я замерла на мгновение. Слова о ребёнке были готовы сорваться с моих губ, но я вовремя опомнилась. Я не могла сказать ему. Не сейчас. Я не была готова. Я боялась его реакции, боялась, что он попытается отобрать у меня Алису, что он ворвётся в нашу жизнь, которую я так тщательно выстроила, и разрушит всё. Моя дочь была для меня самым дорогим, что у меня было, и я не собиралась рисковать ею ради того, чтобы удовлетворить его любопытство.

— Ничего, — сказала я, беря себя в руки. — Я просто имею в виду, что я научилась жить без тебя. Я построила новую жизнь, и в ней нет места для тебя. Я прошу тебя: не усложняй мне жизнь. Не вмешивайся в мою работу, не пытайся меня преследовать. Давай останемся просто коллегами. Если это возможно.

Он посмотрел на меня так, словно я ударила его по лицу. В его взгляде читалась целая гамма чувств: от неверия до ярости. Он сжал челюсти так сильно, что на его скулах заиграли желваки.

— Просто коллегами? — повторил он с нажимом. — Ты серьёзно? Ты думаешь, я смогу видеть тебя каждый день, сидеть в соседнем кабинете и притворяться, что между нами ничего не было? Что я ничего к тебе не чувствую?

— Ты должен, — сказала я, и мой голос прозвучал жёстко и холодно. — Ради меня. Ради моего спокойствия.

Он замолчал, и в комнате повисла тяжёлая, почти осязаемая тишина. Я видела, как он борется с собой, как его руки сжимаются в кулаки, а дыхание становится прерывистым. Он сделал глубокий вдох, словно пытаясь успокоиться, и через несколько секунд, когда он снова заговорил, его голос звучал уже по-другому — более ровно, но с едва заметной угрозой.

— Хорошо, — сказал он, и в этом слове прозвучало странное согласие, от которого у меня по спине побежали мурашки. — Я согласен. Мы будем коллегами. Но запомни, Нина: я не отступлюсь. Ты думаешь, что сможешь избежать меня? Что сможешь спрятаться за этой маской деловой женщины? Я тебя слишком хорошо знаю. Я подожду, сколько понадобится. Я докажу тебе, что я изменился. И однажды ты согласишься на меня другими глазами.

Я ничего не ответила. Я развернулась и вышла из кабинета, громко хлопнув дверью. Но когда я оказалась в коридоре, мои ноги подкосились, и я прислонилась к холодной стене, пытаясь перевести дыхание. Я чувствовала себя так, словно участвовала в марафоне, который

длился целую вечность. Моё сердце билось где-то в горле, а руки дрожали так сильно, что я едва могла удержать телефон.

Я посмотрела на экран и увидела фотографию Алисы, которая улыбалась мне с заставки. И внезапно я ощутила такой прилив любви к ней, что готова была бежать в садик прямо сейчас, чтобы обнять её, прижать к себе и никогда не отпускать. Она была единственной, что имело для меня значение. И я должна была защитить её от него. От его харизмы, от его настойчивости, от его желания всё контролировать.

Я выпрямилась, одёрнула блузку и направилась к выходу. По пути я наткнулась на ошарашенную Ирину Павловну, которая выглядывала из-за угла и пыталась понять, что происходит.

— Нина, ты в порядке? — спросила она, с тревогой глядя на меня. — Что сказал новый директор? Он не собирается нас сокращать?

— Всё в порядке, Ирина Павловна, — сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно. — Никаких сокращений не будет. Он просто хотел обсудить стратегию развития компании.

Я солгала, и я чувствовала, как эта ложь обжигает мои губы. Но я не могла сказать правду. Я не могла сказать никому, что новый владелец компании — мой бывший возлюбленный, человек, который разбил моё сердце, и что он вернулся, чтобы вернуть меня любой ценой. Это было слишком личным, слишком страшным.

Я вышла из офиса и направилась к остановке, чтобы забрать Алису. Но мои мысли были далеко. Я думала о том, что мне делать дальше. Он сказал, что не отступится. И я знала, что если он что-то решил, он будет добиваться этого до последнего. Я могла бы уволиться. Я могла бы снова исчезнуть, сменить город, работу, всё. Но я устала убегать. Я устала жить в страхе, что прошлое настигнет меня.

Когда я вошла в садик и увидела Алису, которая бежала ко мне с радостным криком «Мама!», я поняла, что больше не буду убегать. Я буду бороться. Я не позволю этому человеку отнять у меня мою дочь, мою жизнь, мой покой. Я буду стоять на своём до конца. Но глубоко внутри, в самом тёмном уголке моей души, я знала, что его слова задела меня. Я знала, что, несмотря на всю мою злость и обиду, я до сих пор чувствую к нему что-то. И это «что-то» пугало меня больше, чем любые его угрозы.

Вечером, укладывая Алису спать, я долго смотрела на её лицо, гладила её по голове и думала о том, как сильно она похожа на него. Те же тёмные волосы, тот же разрез глаз, та же ямочка на подбородке. Я знала, что рано или поздно он увидит её. И тогда всё изменится. И я не была готова к этому.

— Мама, ты грустная? — спросила Алиса, приоткрыв один глаз. — У тебя сегодня был плохой день?

— Нет, солнышко, — прошептала я, целуя её в лоб. — У меня был хороший день, потому что я увидела тебя. А всё остальное не имеет значения.

Я выключила ночник и вышла из комнаты, тихо прикрыв дверь. Я стояла в коридоре, прислушиваясь к её ровному дыханию, и понимала, что завтра мне снова придётся идти в офис. Завтра я снова увижу его. И я должна была подготовиться к новой встрече, потому что он не был тем человеком, который сдаётся после первого поражения.

Я взяла в руки телефон и увидела, что мне пришло сообщение с незнакомого номера. Я открыла его, и сердце у меня упало:

«Спокойной ночи, Нина. Я знаю, что сегодняшний день был тяжёлым для нас обоих. Но я хочу, чтобы ты знала: я буду ждать столько, сколько потребуется. Ты — моя судьба, и я не позволю тебе уйти во второй раз. Саша.»

Я сжала телефон в руках и почувствовала, как слёзы подступают к глазам. Я ненавидела его за эту настойчивость, я ненавидела его за то, что он заставлял меня чувствовать то, что я так старательно хотела забыть. Но больше всего я ненавидела себя за то, что, читая его сооб-

щение, я на мгновение почувствовала тот самый трепет, который когда-то давно заставил меня полюбить его.

Я удалила сообщение и положила телефон на тумбочку. Я не ответила. Но я знала, что это ещё не конец. Это только начало нашей новой, безумной игры, в которой ставкой была не только моя любовь, но и жизнь моей дочери.

Глава 3. Старые игры

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.